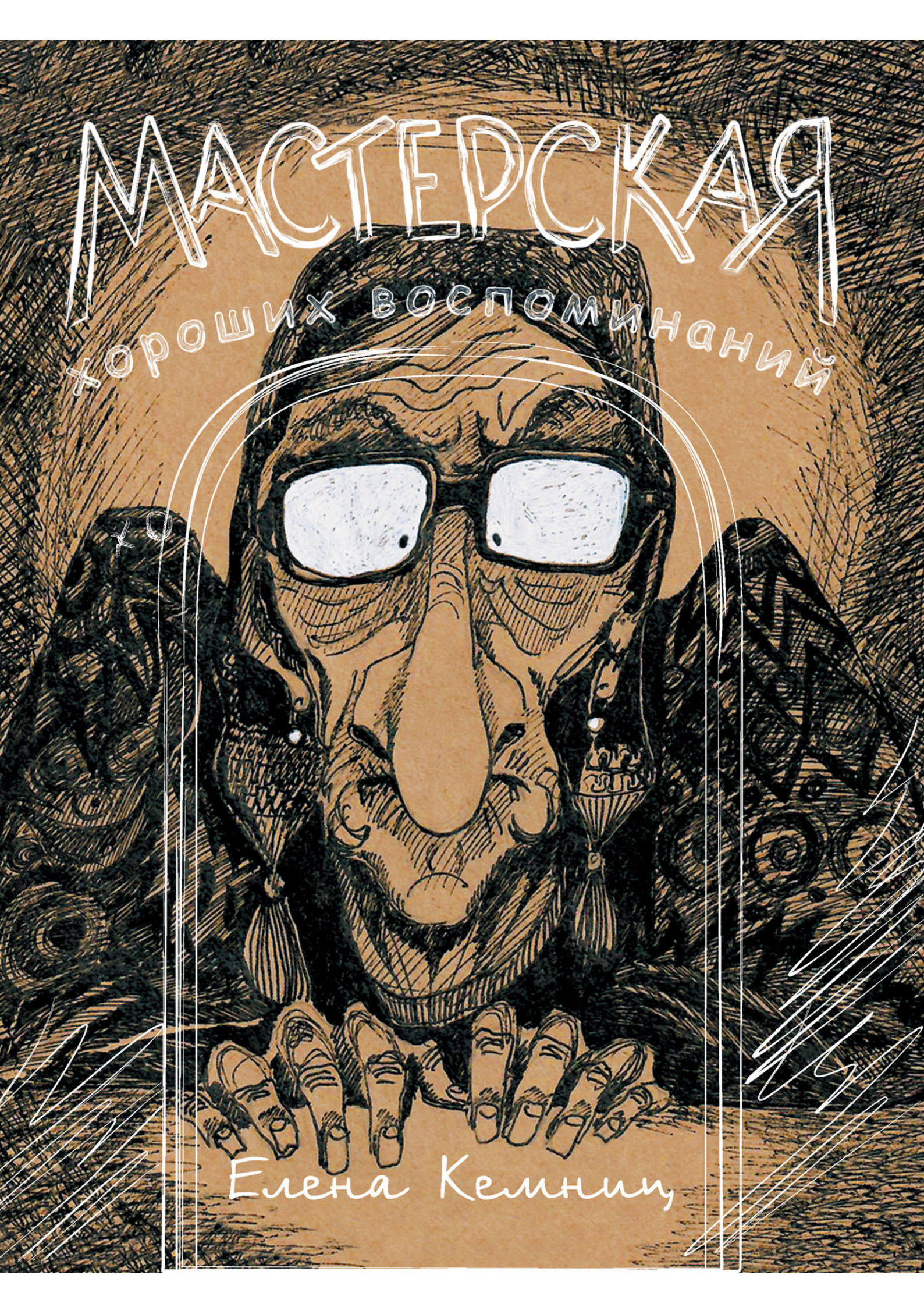

МАСТЕРСКАЯ

ХОРОШИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Елена Кемини

Елена Кемниц

**Мастерская хороших
воспоминаний**

«Издательство «Перо»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Кемниц Е. В.

Мастерская хороших воспоминаний / Е. В. Кемниц —
«Издательство «Перо», 2021

ISBN 978-5-00189-090-4

Автор книги, Елена Кемниц – врач, который пишет и рисует. Большое везение для читателя в том, что хорошая, долговременная память позволила автору обращаться с воспоминаниями, как с архивными папками, умело облекая их в слова, в увлекательные рассказы и новеллы. Они о людях, о судьбах разных калибров, эпохальных событиях прошлого века, на фоне которых жили простые люди. Ветром этих рассказов распахнуло окно старого Бакинского дома, и всё озарилось. Дальше к морю устремилась Еврейская улица, добрая, очень родная. Здесь же, рядом с Кавказскими горами, оказались Карпаты с гуцульскими напевами. И Москва. Эта книга помогает понять, что каждый из нас автор в своей Мастерской воспоминаний. Баку – Мукачев – Москва транзит!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00189-090-4

© Кемниц Е. В., 2021
© «Издательство «Перо», 2021

Содержание

Предисловие	6
Малая родина, Баку	7
Бакинский Новый год	8
Скарлатина	10
Куличи	13
Малая родина, Мукачев	15
Матриархат	16
Куклёнок	18
Снежинка	21
Подснежники	23
У меня украли две родины, Москва	25
Рыба	26
Каникулы. Мороз	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Кемниц

Мастерская хороших воспоминаний

Эта книга посвящается моей дочери Валерии, она знала, что мне есть, о чем сказать, верила, что мне достанет смелости это сделать.

И моему вдохновителю Татьяне, которая засадила меня за работу и сделала всё, чтобы стали возможными роды этой книги-первенца.

Спасибо каждому, кто, читая мои рассказы, поддерживал меня и просил книгу «в студию».

Иллюстратор – Кемниц Елена

© Кемниц Е.В., 2021

© Издательство «Перо», 2021

Предисловие

Всё наше прошлое когда-то было нашим будущим. Оно манило, оно интриговало, мол, вот, новый поворот, и мотор ревёт... Потом оно как-то незаметно становилось прошлым, а у него есть страшное свойство. Неизменность. Его не может изменить никто. И не надо! Один мудрец сказал: «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен». Он знал, что говорил. Я скажу: «Да кто ж против будущего?! Да никто». Но страшно в него стартовать без поддержки, без выяснения, какая нога у тебя толчковая. Потом становится страшно оттого, что есть опыт фальстартов, подножек и травм. И тут я со своей «Мастерской хороших воспоминаний». Так или иначе всё наше будущее берёт истоки оттуда, из прошлого. Там опора, там подсказки и резервы. Эти рассказы о жизни. Эдакий паровозик из Ромашково. Баку – Москва транзит. Я пишу свои воспоминания, а вы, читая их, по ассоциации воскрешаете свои. Так что у каждого в моей Мастерской получится экскурсия в своё же устаревшее будущее. Только не врите себе.

Малая родина, Баку

Факт рождения сам по себе мало что значит. Мне жизнь подарили. Великодушно ввели в мир, чтобы побыть в нём. Чтоб собраться из космического детрита и сгустков белка для возможности увидеть, научиться, узнать, познать, состояться, создать, насладиться вполне и оставить им... оставшимся после себя. Это всё глаголы, это всё – действия. Жизнь – это действие, усилия и кайф.

Предков лучше знать, так как тогда в дальнейшем, по ходу жизни, будет ясно, когда тебе заговорила прапрабабушка по отцовской линии, а когда дед по материнской, или станет понятным, откуда взялись наклонности, способности, а то и чудачества. (Ну, это от тёти или дяди, но он вроде был сводным братом папы, к примеру).

Баку. Мама – студентка-шестидесятница. Папа курсант. Одноклассники. Ромео и Джульетта. Соответственно, их родители – Монтекки и Капулетти. Жили все по соседству в районе с уникальным названием «Военный городок Красный Восток».

Великие люди мои старики – победители в той страшной битве. По сути, битве добра со злом. Семья интернациональная. Двор – интернациональный. Отец – офицер, как из фильма «Офицеры», а мама – педагог (не училка, а именно педагог). Женщина романтическая, хотя и математик. Все родные пели, рисовали и даже писали стихи. Так что, как в песне: «Баку, Баку... Акаций белых пургу, крылатых чаек над морем забыть я не могу». Теперь я, как на ладони.

Там прошло детство и самое бесшабашное отрочество. Такое детство может быть только на юге и у моря.

Бакинский Новый год

Мои первые Новые годы, которые я помню, прошли в Баку. Это город древний, на берегу седого Каспия. Город ветров, минаретов, нефтяных вышек. Тогда этот город был особенным. Сейчас он славен и прекрасен, но бакинцы-шестидесятники прослезятся, вспоминая ТОТ Баку. Бакинец – это была национальность. Не все знают, что такое зима в южном городе. А это промозглая сырость, секущие дожди и холода. Недолго, правда. А потом яркое солнце, буйство снежно-белых, быстро бегущих облаков. Снег тоже иногда бывал, но не каждый год и очень непродолжительно. И вот надо же, в тот год он выпал. Огромный, белый, самый первый, какой я помню, в моей жизни. Волшебный, сказочный и... совершенно не похожий на песок. Во дворе кое у кого нашлись санки, а кое-кто взял картонки и тазики. Мы были одеты по-зимнему – тепло. Двор с тутовниками, ивами, южными соснами и пирамидальными тополями был укрыт снегом, а он всё падал и падал. Дети постарше под руководством взрослых лепили Деда Мороза и Снегурочку! Не банальных снеговиков, а сказочно красивые фигуры. Лица их были нарисованы гуашью, а снежные одежды украшены бусами и мишурой. Нас, маленьких, на наших санках и тазиках, связав их верёвками и сделав, таким образом, караван, вокруг двора бегом катал один очень известный в то время футболист республиканской команды. От него

вкусно пахло одеколоном, и его горло согревал моднющий тогда мохеровый шарф. Накатались и нападались так, что снег был за шиворотом и в штанах. В это время бабушки и мамочки готовились к празднику... Оливье, рыбка, колбаска, икорка чёрненькая (она не была тогда в Баку дефицитом). Вино... «Голубой огонёк»...

Вот я дома. Меня раздевают, и вещи тут же отправляются сушиться. Бабушкин дом... Хочу, чтоб каждый представил себе самое дорогое и бережно сохраняемое в памяти. Бабушкин дом – это покой, счастье, защищённость и бесконечная радость общения и любви. Мои старики были фронтовиками, потому вся эта жизнь была ими завоёвана для меня, и оттого, что они видели много ужасов, они особенно нежно и крепко были влюблены в жизнь. Бабушка – прагматически и материально, а дед – философски созерцательно. Они слепили меня, передав мне всю противоречивость их натур и сумасшедшую любовь к людям и к жизни. Да и стариками они тогда не были! Бабушке, например, было всего 49 лет.

Бабушка, женщина суровая, вдруг сказала, что она хочет мне кое-что показать, а я ей должна помочь. В комнате (большой комнате – это где люстра, буфет, большой стол со скатертью и диван с книжным шкафом, а также телевизор с креслом) на столе стояла довольно большая коробка. Мы сели за стол, и бабушка её открыла. В вате лежало множество малюсеньких ёлочных игрушек, красивеньких и ярких. Там же в отдельной коробочке лежала крошечная ёлочка в разобранном виде. Мы её собрали и нарядили, укутав нижний ярус ватой. У меня не было слов! Я была счастлива, я наряжала ёлочку. Первую в своей жизни. Потом был ужин у ёлочки, и меня пора было укладывать спать. Драма расставания с ёлочкой была ужасна.

За окном было совсем темно, бушевал страшный ветер. Он завывал в дверной скважине, выводя свои тоскливые рулады. Потеплело, и снег сменился дождём. Мокрый «снегодождь» бурными драматичными рыданиями стекал по оконному стеклу. Бабушка выключила в большой комнате свет, взяла стул от стола, поднесла его к окну и поставила на него меня, уже в ночной рубашке. В руках её появилась свеча – восковая роза. Алая и большая. Она поставила свечу на подоконник и зажгла. И темнота озарилась. Огонёк свечи отразился в оконном стекле, и ночь сделалась волшебной, а завывания ветра перестали пугать. Сейчас я точно знаю, что бабушка смотрела не на свечу, а на меня. Она дарила те впечатления, которые потом станут незабвенными. Они не потеряют своей остроты никогда, и уже мною будет зажжена свеча для какой-то другой малышки. И уже я увижу, как у маленького человечка осветится личико и зажжётся огонёк души. С Новым годом!

Скарлатина

Живёшь ты эдак себе, живешь в свои неполные четыре года, и вдруг... Бах! Скарлатина!.. Но тебе три года и девять месяцев, и ты не знаешь, что за красная немочь (именно красная, потому что бывает и чёрная, и ещё бледная), злобная убийца изготавилась к нападению на тебя. Ну, болит горло, ну, нездоровится. С кем не бывает? И ещё сыпь. Особо никто не волнуется, потому что даже бабушка с дедушкой, у которых ты живёшь с рождения и которые души в тебе не чают, не догадываются, что это не просто простуда, это скарлатина – красная немочь.

Был приглашён врач, и он сказал – ангина (и частично он был прав). Потом снова был приглашён уже другой доктор, по поводу сыпи на тощем пузичке, и он сказал, что это аллергия, диатез (доктор думал, что он прав). По какой-то причине ни первый, ни второй диагнозы не удовлетворили мою бабушку. Не удовлетворили они и дедушку. Нервничая, он фланировал туда и сюда по коридору, чем раздражал бабулю. Наверное, мне было плоховато, наверное, не помогали полоскание и мази, рекомендованные эскулапами, наверное, стариков мучили невесёлые догадки, и тогда моя красивая молодая тётя воспользовалась знакомством. В тот период социальной жизни для людей было очень важно иметь связи, знакомства и даже блат. Это позволяло быстрее достигать желаемого. У тётушкиной знакомой была старенькая мама. Мама была врач-педиатр. Она приехала из Ленинграда в Баку, погостить к дочери, насладиться общением с внуком, которого звали Всеволод. Услышав его имя впервые и удивившись его необычности, я спросила, как мальчика звать покороче, и мне ответили, что можно звать его Сева, а можно Вова. У вас был друг, которого можно называть двумя именами на выбор? И чтоб при этом было ещё одно, парадно-выходное? Вот и у меня нет. Переварив в голове эдакое чудо, я стала звать его просто – СеваВова. И так... Ко мне пришла бабушка моего знакомого, воспитанного мальчика СевыВовы, которая была ленинградкой, пережившей войну и блокаду, и которая была врачом-педиатром, продолжающим лечить деток, спасая их от недугов и обучая их мамаш обращению с младенцами и детьми постарше.

Она была масенькой, как мне тогда показалось, не выше меня, прозрачно светленькой, с пушистенькими белыми выющимися волосами и глазами необыкновенной прозрачности и искристости. Возраст не сумел приглушить морозную солнечную невскую чистоту взгляда.

Я была скрупулёзно осмотрена, со всей академической тщательностью, а бабушка с дедушкой ещё и опрошены, от Рождества Христова и до наших дней. Потом меня поставили на бабушкин стул и велели поднять рубашонку для более серьёзного осмотра кожных покровов живота при ярком дневном свете. Я показала ей ещё ручки и горло и много рассказала про себя, чтоб в конце осмотра услышать, что у меня скарлатина. Мне помнятся вдруг изменившиеся лица бабушки и дедушки. Их нелегко было испугать или ввергнуть в состояние упадка духа. Мои бабушка с дедушкой прошли войну и видели всё, что человек видеть не должен. А тут...

По-моему, доктора угостили чаем и проводили, тётушка уехала домой, бабушка пригласила доктора из поликлиники, она указала ей на явные «косяки», как теперь говорят, требовала рецепты и сходила в аптеку. Дома стало тихо и пусто. Я ловила на себе взгляд дедушки, он выражал что-то необычное, мне казалось, будто он завтра отправляет меня куда-то далеко и на опасное дело, а сейчас последний вечер перед расставанием, завтра же случится неизвестность ожидания. Бабушка, с необычной серьёзностью покормив меня ужином, умыла, дала таблетки и устроила спать. В комнатах уплотнилась темнота. Стали слышны порывы ночного ураганного зимнего ветра. Баку ведь город ветров. Шумели за окном голые ветки деревьев, высвистывала заунывную колыбельную замочная скважина, а в печке в приоткрытую дверцу проглядывали всполохи огня (печка отапливалась газом, добываемым здесь же из щедрых недр, богатых не только нефтью, но и газом). Этот огонь прогонял ночные страхи и эту неведомую напасть – скарлатину. В моём представлении это свет от огня не давал немочи-убийце вцепиться в меня.

В приоткрытую дверь спальни потянуло дымом папирос «Казбек». Мои старики курили, сидя на кухне... «Давай закурим, товарищ, по одной, давай закурим, товарищ мой», – как в песне. Всё было обыденно, кроме разговора. Дедушка вспоминал, что во времена, когда он был малым хлопчиком и жил под Черниговом, скарлатина, придя, могла выкосить кучу детей в деревне или городе. Он говорил о болезни, как о живом существе. Бабушка сказала, что у них в станице, если у кого заболел ребёнок в доме, то на окна вешали красную ткань, и всем было ясно, что от этого дома надо было держаться подальше да беречь своих детей. Дедушка с необычными интонациями в голосе (были слышны какая-то глухая боль и страх), сказал, что интуитивно правильно был выбран красный цвет, так как он полезен для глаз больного ребёнка, и ещё, по мнению его, моего деда, свет, проникающий через красную ткань, обладает обеззараживающим свойством. Ещё они говорили, что не многим детям повезло выжить после этой скарлатины, а многие выжившие потеряли здоровье. Кто оглох, а кто ослеп, многие сделались малоумными, случалось даже воспаление мозга. Однако выжившие больше никогда не заболели этой страшной скарлатиной. И на этой мажорной ноте я заснула. Тихая, угревшаяся и убаюканная колебаниями печного огня.

Утром пришла медсестра и провела с бабушкой и дедушкой серьёзный инструктаж по тому, как кормить меня, чем, когда, как давать лекарство, а главное – было сказано, что мне назначен строгий постельный режим, и притом надолго.

Я была ребёнком очень подвижным, ловким, динамичным, прыгучим, лазающим, плавающим, пролезающим, проползающим, прячущимся, уносящимся, рискующим, орущим, поющим, хохочущим, дерущимся, непосидучим (это вам не неусидчивый, это во много раз хуже) ... И вдруг постельный режим! Стариками было решено, что за моё нахождение в постели отвечает дедушка, а за диетпитание – бабушка. У стариков было две кровати, которые стояли рядом. И вот, на одной кровати, бабушкиной, сидела с подушками-игрушками я, а на своей лежал дедушка с руками за головой, и мы развлекались играми, с бесконечной беседой о детях иного времени, о боях-пожарищах, о бойцах-товарищах, о деяниях былых времён и о жизни как таковой.

Что касается диеты, то это было для меня делом простым. Я ела плохо, и было бы хорошо, если в этом бы и заключалась диета. То есть если я не хочу, то меня и не кормят. Вот это было бы замечательно! Однако мне было нельзя или надо было сильно ограничить мясо, курицу, жирненькую рыбку, солёное, копчёное, сосиски-колбаски, наваристые бульончики, майонезики, сальце, маслице и даже жирненькое млеко и яйца. Строгая медсестра сказала, что если я не буду соблюдать диету, то у меня ОТКАЖУТ почки! Я, конечно, не знала тогда, что такое почки, но ужаснулась мысли о том, что в моём организме может что-то «отказать». Как откажут? Кому? Мне? Нет! Этого быть не могло. Тётяшка ошибается. Правда, ей никто не возражал. Может, и могут ОТКАЗАТЬ эти капризные почки.

Я видела выражение лица моей бабушки и понимала, что озвученные рекомендации трудно поддаются пониманию, вызывают недоверие и даже сомнение в профессионализме сестры. Видя такое выражение лица моей бабушки, сестра сказала, что это не её выдумки, а рекомендации «дохтура». Сестра была азербайджанкой, и это был акцент. Дедушка, провожая медработницу, спросил, а нужно ли завешивать окна красной тканью. Медсестра сильно удивилась, помолчала, переваривая вопрос и не вдаваясь в подробности, выдохнула, возведя очи к потолку в коридоре: «Нет – э!» Так говорили у нас в Баку, если уж точно НЕТ. Дверь закрыли, и начались лазаретные будни.

Меня кормили часто, помалу, вкусно, полезно и разнообразно. Со мной играли много, занимательно, не напрягая сложными занятиями вроде изучения букв, слогов, чтения и счёта, так как среди прочих рекомендаций сестры было упомянуто, что свет в комнате должен быть не ярким, а зрение нельзя напрягать, а то может развиваться косоглазие (ребёнок акасёт! Вот как сказала сестра) или даже слепота как осложнение этой проклятой скарлатины. Правда,

и телевизор мне смотреть не разрешили, так как можно «аглохнут» из-за напряжения слуха. Мультки мне, так сказать, улыбнулись... но в остальном жизнь была прекрасна!

Медсестра иногда продолжала приходить и осматривать меня. Измеряла температуру, ощупывала суставы, слушала сердце, заглядывала пытливыми карими глазами мне в глаза и в уши. Проверяла, как я пью таблетки и выполняю все рекомендации. Раз в неделю бабушка носила мочичку мою в поликлинику и потом получала результат. Видимо, всё было хорошо. Пока однажды...

Видите ли, по разумению моей бабушки, ну и, разумеется, в её суждениях она была подержана дедушкой... если нельзя курицу, значит, можно цыплёнка. Если нельзя яйца курицы, то можно перепелиные. Если нельзя животный белок, то можно грибы и (!) чёрную икру, ведь это рыбий белок и вообще деликатес. Может, и нельзя сливочное масло, но можно топлёное. Не разрешили сало? Так можно мягонькую солёенькую корочку. Ну, а если нельзя мясо, то можно кролика. Это и не корова, и не свинья. То есть то, что не запрещено, то разрешено.

И меня кормили, а я радовалась. С тех пор я люблю кролика тушёного, корочки от сала, топлёное масло, да ещё намазанное на хлеб, грибы, чёрную икру и перепелиные яички.

Но мой анализ... это объективная реальность, и его увидел доктор. И срочно выслал уже известную медсестру на дом, со строгим указанием выяснить причину изменений в анализе.

Медсестру провести было нельзя! Она вывела нас на чистую воду сразу и объяснила, что если чего-то нельзя, то значит нельзя. Она была сурова и тверда.

Выздоровела я уже в марте. Слабенькая и отощавшая, вышла я во двор, и ко мне с радостным воплем устремился мой друг, проведший зиму без меня, но не забывший нашу дружбу.

Такая вот история.

Позднее я, будучи студенткой медицинского института, работала в патологоанатомическом отделении. И меня удивило, что из нефрологии не раз и не два поступали к нам экзистировавшие¹ пациенты (ну вы поняли), молодые, обоих полов, что получали ранее лечение по поводу внезапно возникшей острой почечной недостаточности, в лечении которой не помогло ничего, даже гемодиализ. Они были моими ровесниками. Это как-то напрягало.

Я обратилась со своим наблюдением к доценту с кафедры патологической анатомии и гистологии, а он ответил, что в детстве, в году эдак в 1969–1970, они перенесли скарлатину, вызванную, по всей видимости, одним и тем же штаммом стрептококка, осложнением которой явился, по его мнению, так называемый казуистический нефрит, и он не проявлял себя до сей поры, а потом жажнул внезапно, коварно, неотвратимо, и помочь было уже нельзя. Так-то вот. Господин доцент сказал, что его радуют мои внимательность и вдумчивость. Я, видимо, переменилась в лице, потому что он поинтересовался моим самочувствием. Я же сообщила, что я из клуба «скарлатинщиков» конца шестидесятых, как и эти молодые кадавры, упокой господи их души, которые недавно были нашими клиентами, так сказать. Доцент засуетился, уговаривая меня не волноваться, и мы пошли, по его настоянию, в сторону клинической лаборатории и УЗИ-отделения, где в его присутствии он попросил выполнить мне ряд анализов. Сделали УЗИ почек, взяли кровь «на всё про всё», как это говорится, а также ту самую «мочичку», чтоб убедиться в том, что хоть я и член клуба «скарлатинщиков», но здорова и крепка, а также проживу долго и счастливо много-много лет. Заодно он извинился за то, что повёл себя вот так некорректно со своими выводами, мол, а ещё доцент! В том смысле, что этика, деонтология и всё такое... Анализы пришли изумительные, и мы оба успокоились.

Ничего плохого не произошло, как видите. Ни тогда, ни позднее.

На прощание скажу, что болела я скарлатиной ещё раз (да, да!), снова в тяжёлой форме, и снова ничего не произошло. Ни тогда, ни потом, как и в прошлый раз. Видно, у Создателя на меня другие планы.

¹ Exitus letaleis – исход смертельный (латынь). Здесь и далее пометки автора.

Куличи

В Баку весна – это буйство свежей листвы, цветение, ветра, гонимые облака, мегатонны солнечного света и пенный бушующий Каспий. Старый город (его так хорошо показали в фильме «Бриллиантовая рука»), бульвар и бакинские дворы – вот портрет моей родины. В одном из таких дворов и жила я, с бабушкой и дедушкой. Старая гвардия. Порядочные люди. Оба коммунисты и фронтовики. Соседи и друзья их, старики, как мне тогда казалось... А им, многим, и шестидесяти тогда не было! Какие же они старики? Двор – малый СССР. Мой дед – украинец (правда, по некоторым причинам из семейных преданий он знал, что он наполовину поляк), дружил с Велвелом Юдовичем Абрамсоном, а моя бабуля дружила с его супругой Златой Соломоновной, ну, а я – с их внуками, Илюхой, Димкой, Женькой и сестрицей Галей (г – на украинский манер). И вообще, бакинец – это была национальность, а Баку, в нашем представлении, был столицей мира.

Вот в этой компании маленьких бакинцев мы и гуляли в апрельский день. Случайно мы заметили новенькую девочку, лет семи-восьми, одетую не так, как одевались мы. Значит, не бакинка. В очках! Значит, умная. Она подошла познакомиться, а в руках у неё были очень странные яички. РАЗНОЦВЕТНЫЕ. Мы собираемся вокруг неё в кружок и оторопело выясняем, что же это за птица такая снесла эти чудо-яички? Страус? Попугай? Павлин? И девочка принялась степенно нам объяснять, что в славном городе Воскресенске, откуда она к нам приехала, сейчас Пасха, а на Пасху красят варёные куриные яйца и пекут куличи. Привезла её сюда бабулечка. Она покрасила яйца и испекла куличи, которые девочка позже вынесет во двор и нас угостит. Мы были очень удивлены. Нам было трудно поверить, что существует город с таким странным названием – ВОСКРЕСЕНСК. Там что, все люди всегда отдыхают?! А она ещё сказала, что в этом городе существует спортивная команда «Химик». Спорт мы уважали, а город нашли на карте, которую вынес Илюша.

В голове лично у меня сложилась причудливая картина... Где-то на просторах нашей Родины есть город Воскресенск, где празднуют некое действо, именуемое «Пасха», там все отдыхают (Воскресенск же), там есть ещё спортивная команда «Химик», значит (!!!), яйца в различные цвета красят они. Дети эти яйца едят, куличом заедают и... вот как-то так жизнь и идёт.

Позже девочка, которую звали Влада, принесла кулич. Мы ели в молчании, ибо было вкусно очень.

Прошла весна, прошло лето, наступила осень. Шёл сентябрь. И тут моя память извлекла слово – кулич! Рот сразу наполнился вкусом ТОГО кулича. Пришла я к своей бабушке, марксистке-атеистке и вообще офицеру в отставке, Раисе Григорьевне, и говорю ей:

– Бабушка, я хочу кулич!

Ела я очень плохо, а тут прошу кулич. Моё желание было горячо поддержано бабушкой. Однако рецепта бабушка не знала. Она могла бы обратиться к моей второй бабушке, Евгении Ивановне, которая наверняка знала рецепт (благо жили мои бабушки в соседних дворах), но тогда появлялся риск, что оба славных королевства узнают о том, что непримиримая коммунистка готовит КУЛИЧ, и этот факт может стать козырем в руках врагинь каких-нибудь, в разборках соседских, которые иногда случались. Этого допустить было никак нельзя! Значит, остаётся только один способ: и куличом меня накормить, и в тайне всё сохранить. Бабушка обратилась к подруге своей боевой Злате Соломоновне Абрамсон! Злата Соломоновна знала и умела всё. Почему я так говорю? Да потому, что не каждая женщина способна в блокадном Ленинграде выкормить двоих детей. Злата смогла!

В обширном кармане фартука Златы Соломоновны, разумеется, тайно, был доставлен на нашу кухню рецепт. В авоське, в одинаковых, равнодушных серых кульках вторым рейсом

были доставлены недостающие, но необходимые продукты. Следующим эшелонам подтянулся муж Златы Соломоновны и принёс яйца с мешочком луковой шелухи. Мол, делать так делать.

К вечеру, в персидских сумерках, на кухне моей бабушки трое старых друзей, отставной генерал (дед Абрамсон), лейтенант (моя бабушка) и отважная домохозяйка (Злата Соломоновна) – состряпали кулич и покрасили яйца. Мой дед Дима стоял на стрёме, если кто вдруг незвано явится на запах. Ему было приказано нейтрализовать неприятеля. Он полковник, и приказ генерала для него был закон!

Всё было готово, и старики-разбойники посадили меня за стол. И я отведала яств! А Велвел Юдович, в миру Владимир Юрьевич, сказал под всеобщий смех: «С Песачком² тебя, деточка».

На дворе стояла осень, как я упомянула раньше, так что кулич старики-разбойники испекли на Рош ха-Шана³. Но тогда я этого не знала.

² Автор добавляет уменьшительно-ласкательный суффикс к слову «Песах». Песах (Еврейская Пасха) – праздник, который отмечается еврейским народом в честь Исхода евреев из египетского рабства, отмечается весной согласно лунному календарю.

³ Рош ха-Шана – дословно, в переводе с иврита, «Голова года» – название Еврейского Нового года, отмечается осенью согласно лунному календарю.

Малая родина, Мукачев

До свиданья, Баку...

И поехали мы на Украину. Папа военный. Приказ пришёл, и мы оказались сначала в Яворове, а потом и в Мукачеве. Ну, что я вам скажу: «Це вже Європа!» Там уже: «Прошу, пани». Дома у меня часто звучал украинский язык. Дедушка по материнской линии из-под Чернигова, а бабушка с Кубани. И всё поменялось. Там, в Мукачеве, я в школу пошла. Разноплеменный край. Молодые папа и мама. Туда я приехала уже умея дружить и любить людей. Там пригодилась любовь к музыке и пению. Повезло поучиться в музыкальной школе. Всё просто и безыскусно было в быту, в жизни. Всё было важно, необыкновенно, ярко. Карпаты, речка Латарича – забыть невозможно. Я «богачка»! Тогда я уже всю делала вклады в банк своей памяти. Сейчас любой эпизод той самой памяти могу снять со счёта.

Следующий рассказ, как и несколько других повествований в этой книге, ведётся от мужского лица. Мне хотелось создать необходимую атмосферу, прочувствованную мной с разных сторон. И я воспользовалась многогранными доступными возможностями, присущими художественной литературе, где, как известно, есть своя доля правды и вымысла...

Матриархат

Матриархат сейчас – явление не всегда очевидное, но хоть оно и неявное, и негласно существующее, но все же имеющее место быть. В мире природы есть такое явление, как ароморфоз. Что-то, какой-то признак, появляется впервые, и он прогрессивен, он способствует выживанию и укреплению вида. Так вот – это проявляется впервые у особи «мужеского полу», но сохраняется и передается исключительно самочками. В жизни это ещё происходит потому, что войны, революции, репрессии регулярно сокращали численность мужчин в нашей стране и в мире. Их роли, по необходимости, брали на себя женщины и прекрасно справлялись, зачастую превосходя своих предшественников-мужчин, и моя семья не исключение. Конечно, хочется начать с бабушек, но это будет неправильно. Они были необыкновенны, но между нами было кровное родство, и в семье кланового типа (эдакое семейство сурикатов, или «Клан Сопрано») всё всегда начинается с бабушек и дедушек или даже прабабушек и прадедушек. Их славят, и это нормально, и только. Но случаются знаменательные встречи с неродными, чужими женщинами, встречи, которые закладывают ароморфозы тебе в душу, а не в геном, и они, подаренные этими щедрыми и чужими женщинами, остаются в твоей жизни, чтобы в нужный момент прийти на помощь, а потом прорасти в прекрасные поступки и перспективные дела.

Я точно помню, что мою первую учительницу по музыке (так называл я репетитора по игре на фортепиано) звали Маргарита Сергеевна. Малюсенькая носатая старушка с крупной родинкой на щеке и всклокоченными волосами, в стиле комсомолки 20-х годов. На своем большом носу она носила очки в роговой оправе, одевалась просто и скромно. Она была тонконогая, и у нее всегда были перекрученные чулки. Никогда не расставалась она с большой кожаной сумкой с застежками-шариками, как у Шапокляк. Позднее я узнал, что они называются – «поцелуй». Из этой сумки всегда торчали нотные тетради. Ходила она легкой девичьей походкой и в силу щедрости производила впечатление идущей лишь слегка «касаясь» земли. Позднее я узнал, что за этой интеллигентной женщиной, которая оказалась в Закарпатье, женщиной, покинувшей родной Ленинград и нанятой в репетиторы к случайному ребенку, стоит история удивительной питерской семьи, прошедшей через все испытания тех времен. Она была первой женщиной, которая заговорила со мной не только о занятиях или послушании, она заговорила со мной, как со взрослым человеком, о жизни и проблемах творчества, хотя всем широко известно, что с детьми о таких вещах не говорят или, если и говорят, то не во всех семействах. Она заговорила со мной без поправки на возраст, со всей возможной серьезностью, уважением и вежливостью. Это было необыкновенно приятно. Она рассказала мне о годах учебы в гимназии. О... Я к тому времени знал, что гимназия – это школа для детей, которая существовала до революции, где девочки учились отдельно от мальчиков. Это было очень давно... Она была как волшебница. В моем воображении девочка-гимназистка, малюсенькая, кудрявая, в форменном платье и фартуке прискакала ко мне на одной ножке и предложила вместе позаниматься музыкой. И не нудными гаммами-этюдами. Она предложила мне напеть ей песни или мелодии, которые мне нравятся, а она подберёт их и поможет разучить. И вот с этой старенькой гимназисткой, с этой маленькой интеллигентной дамой я очень быстро заиграл музыку из кинофильма «Земля Санникова». Мы выучили правила поведения, манеры, надлежащие к исполнению в приличном обществе, мы обсудили много проблем из мира литературных героев, поговорили о значимости воображения, как в музыке, так и в любом другом виде творчества... Позднее я сдал («блестяще» сдал) экзамены в музыкальную школу, был принят в класс Адели Пантелеевны – Гимгемы Бастиндовны. Началась учёба, а музыка кончилась...

Маргарита Сергеевна уехала в Питер, а я инкапсулировал в себе и надолго спрятал до срока воспоминания старенькой девочки-гимназистки: о воображении, творчестве, а также

ассоциациях, их значении в искусстве, о манерах, кои надлежит исполнять в приличном обществе, о ненасилии в обучении и далеком неизвестном мире семей из Петербурга и Москвы, сохранивших атмосферу утонченного быта и «вкусной» жизни на фоне «буржуазной» эстетики начала 20-го века. Старенькая, маленькая гимназистка вложила мне, в детскую душу, недетские мысли о воспитании без насилия, о мире родителей и детей без унижения, о творчестве без границ, о том, что необразованность – зло, гуманизм – прекрасно, а патриотизм – правильно, что можно, как говорил поэт, «быть дельным человеком и думать о красе ногтей», и это не стыдно, что есть такая штука, как благоглупость, и её надо уметь распознать. Она объяснила, что истинная гениальность – всегда добродетельна, а слово благородный имеет два значения. Для блага рождённый, или во благо рождённый. Что тот, кто кричит на тебя, – слаб. Она объяснила мне, что всё в жизни требует усилий, а маленького человечка надо всему учить, ВСЕМУ. Что есть сострадание и сочувствие, оно может быть активным и пассивным (без скидки на возраст объясняла), а плакать не стыдно – это не проявление слабости. И ещё... Что бояться – не стыдно. Стыдно страх не преодолеть. Объяснила, как говорят иногда, на пальцах, что всегда и везде надо оставаться собой. И... Я понял, что она объясняла мне. Как быть человеком будущего. Это был ароморфоз, который мне передала женщина, чтобы я, маленький мужчина, не забыл, сохранил и передал. Это был мой ароморфоз, мой новый стигмат. Она уехала, или, скорее, ушла от меня своей лёгкой летящей походкой девочки-гимназистки, прошедшей с семьёй своей все лихолетья эпохи и не растерявшей любви к жизни и людям. Позднее я понял, что она научила меня видеть людей этой благородной породы по неуловимым стигматам взглядов и движений. Людей – предвестников перемен в моей жизни. Носителей ароморфозов. Все они были женщины. С тех пор я очень люблю женщин. Матриархата не боятся сильные мужчины. Иначе зачем ароморфозы, если их будет некому сохранять!?

Куклёнок

Никогда нельзя говорить, что кому-то повезло с эпохой, а кому-то нет. Во все времена были свои герои и антигерои. Просто иногда бывало так, что ориентиром для поколения становился человек, сила духа или сила интеллекта, а может, и физические возможности которого выводили вперёд за ним и всё человечество. Глядя на дела и поступки этих людей, мальчишки и девчонки шли за ними в профессию, в спорт, в службу и создавали жизнь. Они же придумывали песни, которые уже тридцать лет поют люди. И какие люди! Люди умели мечтать и вершить. На концерте бардовской песни и сейчас можно видеть множество светлых и чистых помыслами и душой людей.

Эпоха строила, прокладывала, осваивала, отправляла в полёт, делала открытия. Потом пришла другая эпоха. И вдруг учёный с мировым именем и бард А. Городницкий воскликнул, увидев деструктивность происходящих перемен новой эпохи, что бросает вызов композиторам и поэтам-песенникам теперешней поры. Его песни и песни его друзей поют тридцать лет, потому что было о чём! Делались дела, вершились судьбы и воспевались поступки, громадность которых равнялась библейским откровениям и высотам духа и чувств. И он сказал, горя глазами, как пророк:

– Сочините песни такие, чтоб пелись тридцать лет. Чтоб их брали с собою в космос, чтоб их пели матери, дочери и внуки. Чтоб тысячи людей могли сказать, что с ними они тянули ЛЭП и газопроводы в Сибирь, строили тысячи километров железных дорог. Искали нефть и вели геологическую разведку. И... О любви, чтоб без сомнений, чтоб на века! Спойте о своих идеалах, об идеалах и делах вашей эпохи, или замочить бывшего друга, за деньги. Как заработать миллион, как смошенничать и обмануть, как купить яхту или виллу. Но! Напишите так, чтоб с вами эти песни пели миллионы и пели хотя бы лет тридцать, как наши. – Он покинул сцену концертного зала под аплодисменты публики. Он уходил, как последний рыцарь. Он бросил вызов! Его вызов некому было принять. Словом, какая эпоха, такие и песни.

Однако, я не об этом... Я о том, как это бывает в жизни маленького человека...

Была такая песня, где были слова: «Пусть хлещет дождь, окопы заливая. На всей земле сухого места нет...» Когда ты живёшь в военном гарнизоне, то вся твоя жизнь крутится вокруг событий полковой жизни и Дома офицеров. Мама молода и прекрасна, а отец – офицер и наследник славы воинов, победивших фашизм, и ты живёшь и тянешься за высотой их поступков и помыслов. Отец почти не бывает дома. Наряды, дежурства в полку и, наконец, серьёзная ответственность за сотню мальчишек. Он сказал мне, когда мне было семь, что матери отдали ему своих сыновей здоровыми, и он должен их вернуть здоровыми и возмужавшими за два года службы назад, матерям. Этим он дал мне понять принцип своего отношения к солдатам. Ему самому тогда было двадцать семь. И ещё... Он служил, а не прислуживал. Он был верен принципу: есть такая профессия – Родину защищать.

Западная граница нашей Родины повидала всякое. В горах и долинах Закарпатья, где тогда служил папа, осень в тот год была долгая и ненастная. Холода, ветра и дожди. Бесконечные стылые дни... Учения и манёвры, выезды на стрельбища и марш-броски оставляли ему мало времени для семьи. И подумала я, что ему будет легче, если я положу в карман его шинели крошечную куколку в одежде, которую я сшила, чтоб куклёнок не замёрз и не промок на полигоне. Карманы у шинели глубокие, а куклёночек крошечный, и завалился он в самый дальний угол кармана так, что большая мужская ладонь до этого уголка и не доберётся. А ночью прибежал посыльный и передал приказ срочно явиться в распоряжение полка. (Женам всегда было страшно. А вдруг это не учения?) Для нас потянулись будни ожидания. А для него – ратный труд и суровый походный быт.

Сложно представить себе, как можно провести недели осенью под проливными дождями, под ветром, без надёжного обогрева и в залитых дождём траншеях и окопах. Мотопехота – царица полей... Наверное, оголодавшие, чумазые и промокшие пехотинцы не раз пожалели о том, что служат в пехоте, а не в лётных частях, не в бронетанковых или не на подводной лодке. И вот в такой день, который, отяжелев под морозящим серым дождём клонился к холодным пустым сумеркам, сидевшие уже более суток в окопах солдаты и офицеры получили приказ о скором наступлении. О том, что они пойдут в атаку, и это случится на рассвете. Предстояла ночь в темноте, холоде и ожидании. Я не знаю, достанет ли нам воображения, чтоб представить себя в мокрой одежде осенью, на улице? Голодными и уже, мягко говоря, деморализованными из-за этих «романтических» армейских будней. А на рассвете в атаку! Вот мой папа и думал о том, какие слова найти на рассвете, чтобы в едином строю поднять замёрзших, промокших, голодных и проводших бессонную ночь девятнадцатилетних мальчишек в атаку. Ведь это – не кино.

И вот на рассвете, когда окопы ожили тихим и угрюмым движением мокрых и продрогших людей, папа, чтоб хоть немного согреть руки, засунул их в карманы поглубже. В правом кармане он кончиками пальцев нащупал что-то махонькое. Он достал это и, прикрыв полый шинели, «это» осветил фонариком. На руке лежал тёпленько одетый и тоже промокший куклёнок. Папа очень удивился, солдат, который был рядом, спросил, что там с таким изумлением рассматривает лейтенант. Папа повернулся к пареньку, и тот в призрачном свете нарождаю-

щегося утра увидел на ладони у лейтенанта куклёночка. Папа разулыбался и сказал, что это ему положила дочка, а он только сейчас нашёл. Солдат тихонько засмеялся, увидев пупсика. Смех в такую пору?! Ребята стали интересоваться, что так насмешило этих двоих? Пупсика передали дальше. И дальше, и дальше. Из рук в руки. Его рассматривали, давали шуточные имена и нарекли дочерью полка. Пупсик вернулся к папе грязненьким и захватанным. Папа сказал, что очень меня любит, а куколку убрал в карман. Настроение у солдат поменялось. Они как-то воспряли и стали не просто солдатами, они стали бойцами. Они готовы были идти в бой за маленькую куколку или маленькую девочку, за всё человечество! Больше не нужны были слова. Бойцы по команде поднялись в атаку и сокрушили условного противника. Их очень забавляло, что где-то в городе дочка ждёт папу с учений с победой, как с самой настоящей войны, и надеется, что масенький пупсик сбережёт его от пуля, от смерти. Папа вернулся с учений. В прихожей висела шинель, стояли сапоги. Я залезла в сапоги ногами и закрылась полами висящей над ними шинели. Я вдыхала запах учений, запах мужества и тяжёлого труда. Папа подошёл и, раздвинув полы шинели, показал мне мою куколку. Вынул из сапог, и мы пошли на кухню. Он, усталый и грязный, ел жареную картошку и рассказывал мне, как проходили учения, и про куколку тоже. В эти минуты я очень завидовала маленькому игрушечному резиновому человечку. Он побывал на войне, ходил в атаку и вернулся с победой! Он вместе с папой Родину защищал.

Снежинка

Давно это было. В советской Украине, в её западной части, в небольшом, но очень красивом чисто европейском городке. Народ готовился к празднованию Нового года. Готовились к нему в домах, школах и храмах. Никому и в голову не приходило, что 25 декабря не будет праздноваться рождение Спасителя. И никому не мешал светский Новый год. Праздновали его украинцы, гуцулы, мадьяры, цыгане, русские, евреи и прочие национальности, населявшие богатый и преуспевающий край – Закарпатье. Над городом возвышался силуэт настоящего замка, а защищали и украшали город убелённые снегом Карпаты. Сами понимаете, что зима в таком городе для ребёнка – это чудо из чудес. Мама моя решила, что её дочурка на школьном новогоднем празднике должна быть самой красивой из снежинок. Тогда, на утреннике такого рода, выбор для массовки был невелик. Мальчики – зайчики, девочки – снежинки. Самые красивые девочки могли быть Снегурочками, Гердами или Красными Шапочками – в зависимости от сценария. Но мне, маминой дочке, всегда казалось, что Баба-яга, Снежная Королева, Кикимора и даже Мышь – обладают большими возможностями, чем Снежинка, и жизнь у них интереснее. Я уж вообще молчу о пиратах, мушкетёрах, Котах в сапогах, Гномах, Космонавтах, Волшебниках. Но выбора у меня не было. Мама развила бурную активность. Где-то и у кого-то был куплен небольшой отрез атласа нежнейшего бледно-голубого цвета. К нему был найден, добыт и куплен отрезик тюля, на «подъюбочник». Необходима была особая рода мишура – блестящая, эластичная, разноцветная и пышная. Ещё нужна была снежинка, которая бы украсила собой головной убор, сделав зауряд-снежинку заметной среди одинаковой массы снежинок, кружащих в хороводе вокруг ёлочки. Такая СНЕЖИНА была найдена и тоже куплена. Колготки тоже были нужны. Не гольфы и не те белые колготки, что носили все девочки на праздник, а тонкие, эластичные, немного прозрачные... Именно такие «достала» мама на барахолке (если кто не знает, что это такое, уточните у старшего поколения) и торжественно принесла домой. На ноги мне планировались белоснежные матерчатые «чешки», обшитые той же самой мишурой. И мама засела за шитьё. Так родилось платье. Вырез лодочкой, отрезное по талии (если только у ребёнка в восемь лет есть талия), юбка-полусолнце с подъюбником! Вырез лодочкой и край подола платья был расшит прекрасной переливающейся всеми цветами мишурой. Мерцающее благородное сияние нежного бледно-голубого атласа подхватывало огоньки мишуры, делая платьице волшебной одеждой снежинки. Папа сделал классическую герцогскую корону из ватмана. Витиевато уклеил её всё той же мишурой, поместив в центре надо лбом крупную породистую перламутровую звездицу с каким-то особенным центральным соцветием разноцветной плёнки. ВСЁ!

В костёле играл орган, пели хористы, возглавляемые регентом, мерцали свечи, а в советской школе – через забор, в спортивном зале – проходил утренник по поводу Нового года! Суть сценария я не помню. Надо полагать, что у Деда Мороза украли внучку – Снегурочку – такие-сякие Кощей и Баба-яга, а добрые Кот в сапогах, Снеговик, дети (Зайчики, Серый волк, единичные Звездочки, Клоун и многочисленные – СНЕЖИНКИ) должны были её спасти и вернуть безутешному Деду Морозу, потом хоровод и вручение подарков. Мой костюм Снежинки всем был хорош, и его оценили все. Но по-своему. Во-первых, его не поняли, во-вторых, если бы он достался девчужке с темпераментом и внешностью Мальвины – всё бы получилось, а тут... Маленькую Разбойницу одели как принцессу. Вот где горе так горе! Спортивный зал был холодный, я была тощенькой, и голой шее, в вырезе лодочкой, было холодно. Подкладка у платья была жёсткой, а мишура колола шею и ноги в тонких колготках. Причём ноги ещё и в двух местах – на ступнях, где были надеты балеточки, расшитые мишурой, и на бёдрах, от подъюбника из накрахмаленного тюля, и опять-таки МИШУРЫ! Корона сползала на глаза из-за тяжёлой «звезды во лбу», скользя по жиденьким волосёнкам, а колготки, оказавшись мало-

ватыми, сползали безбожно до середины бёдер, мешали движению и тоже, как и платье, совсем не согревали. Балетки, будучи тоненькими, привели к тому, что ноги из разряда замёрзших, перешли в разряд замороженных, и мне уже было всё равно... Спортзал располагался отдельно от школы, был одноэтажным, пол был ледяным, отопление – печным... Словом, с короной на глазах, в колючем тесном платье, колготках, сползших до колен, и ледяными ногами мне хотелось одного – чтоб скорее дали подарки, переодеться, и ДОМОЙ! Позднее, переодевшись и согревшись, в нормальной зимней одежде я шла домой со своим закадычным другом (самым нелепым и косолапым Зайцем в сказочном лесу). Двери в костёле были открыты, оттуда на заснеженное крыльцо лился мерцающий тёплый свет, и были слышны звуки органа. Голоса певчих звучали ощутимо всем телом и имели цвет пламени свечей. Старый костёл обнимали какие-то былинные средневековые деревья, и в их чёрных воздетых к небесам ветвях кружили настоящие снежинки. Мы замерли на припорошенном снегом крыльце костёла и заслушались:

– Да, – сказал мой друг, – не на тот утренник пошли. Надо было сразу сюда идти!

Ещё немного послушав пение и орган, мы побежали домой, а на фотографиях осталась на память худая девочка с ногами породистого жеребёнка в красивом платье с неновогодним выражением лица и где-то рядом в толпе одноклассников косолапый Заяц. С Новым годом!

Подснежники

Разное отношение может быть к этому празднику. Женский день. А какой не женский? А с теперешней толерантностью и прочими гендерными перегибами чёрт знает до чего договориться можно. Но мне дороги две тетеньки, с которых всё началось. Кларочка и Розочка! Спасибо, девочки! Помню, как сейчас. Училась я в первом классе. И в этот день или накануне должны были мальчики поздравить девочек. Поздравить должны были веточкой мимозы, каждый свою соседку по парте.

Не помню, чтоб в моей семье этому дню уделяли особое внимание. Папа маму любил просто так, и ему не нужен был для выражения чувств конкретный день. А тут... Мимоза. От лучшего друга. А кто такой лучший друг? А это тот, с кем шлодили напололам, по крышам, по гаражам, в лес, на речку, опаздывали домой к сроку, списывали уроки и стояли друг за друга горой. А тут мимоза. Пахучая, жёлтенькая, нежная. И Олег, такой нарядный, румяный и улыбается.

У нас была очень суровая учительница. Мучительница, склонная порой и к физической расправе с инакомыслящим или нерадивым чадом. Сильно не любила она одного медлительного паренька-двоечника. Был у нас такой. Нечёсанный, мешковатый, тихий, улыбчивый низ-

корослый здоровячок. Двоечник он был, скорее, идейный, чем от лени. Почерк как у гения, речь неразборчивая. Однако глаза были необыкновенной красоты, а ресницы – любая девка позавидует. В одежде был он небрежен, как Че Гевара, и обаятелен, как Бельмондо. Издевалась над ним училка нещадно. Тычки, затрешины, стояния в углу, позоры перед всем классом. И, наконец, самое страшное! Его не приняли в октябрята. Но мы отвлеклись. Праздничный день, всем девочкам уже подарили мимозу, а его соседка по парте – без мимозы. Училка просит отличника подарить букетик несчастной девочке. Он дарит. Начинается урок, и вроде всё идёт своим чередом, однако каждый из нас думает о том, что лучше бы наш бедоносец-двоечник заболел, чем опоздал. Мы ведь знаем, какой разнос ждёт его в случае его появления. Разнос, осмеяние и посрамление. И тут он появляется. (Мы раздевались в классе. Времена были стародавние, былинные. Отопление печное, а парты дубовые.) Стоит наше чудо на пороге... Весь насквозь промокший. Шапка мокрая, пальто мокрое, штаны и ботинки мокрые, из портфеля течёт. Лужа под ним увеличивается, а гримза наша, Гингема Бастиндовна, начала надвигаться на него и кулаки сжимать. Мы застыли в благоговейном ужасе. Училка начинает изощряться в унижающем красноречии. В ход пошли все аргументы и даже объяснения, что теперь из-за его опоздания вся обороноспособность страны рухнет. Постепенно, упиваясь собственной речью, она впадает в экстатическое состояние. Вообще-то становится похожа на бешеного Адика перед юными нацистами, когда он орёт и кликушествует. Потупился наш Серёжа, выронил портфельчик из руки и полез рыться под пальто. И вдруг из мокрого пальто он достаёт подснежники! Много! Тётка замолкает, а он делает шаг к парте, за которой сидит его подружка, и протягивает ей цветы. Она принимает их и нюхает, не сводя глаз со своего героя. Потом он снова лезет под пальто и достаёт ещё. Тётка стоит молча, а он, не поднимая глаз, протягивает ей подснежники: «Это вам. С праздником». Училка берёт, отходит к окну. Букетик в руке, спина прямая как палка. Мы тихо сидим и лишь знаками показываем ему: раздевайся и садись. Он начинает стягивать пальто, стоя в увеличивающейся луже. Падают варежки и шапка. Туда же сползает с шейки шарф. Шлёп, шлёп. Топчется, переступает ногами. И тут мы узрели. Гингема, кажись, плачет! Вдруг она резко разворачивается, оставляет цветы на окне и быстро подходит к нему. Мы застыли, а он зажмурился. Однако она быстро и сноровисто начинает его раздевать. Усадив его за парту, она снимает с себя вязаную кофту и надевает на него, а его босые ноги одевает в свои варежки. Вещи несчастного училка тут же развесила около печки на стуле. Так же молча у печки был устроен его портфель и аккуратно расставлены учебники и тетради с его поплывшими от воды фиолетовыми каракулями.

Что мы думали тогда, глядя на маленького мальчика в большой женской кофте и с варежками на ногах? Девочки думали – он герой! Они завидовали его соседке по парте, белёсой и конопатой Маришке. Мальчики думали – почему не я? С этого момента каждый из них понял. Поступок – это очень важно, это очень по-мужски. И день тут ни при чём. Так что вот такая, блин, мимоза получается. Делайте поступки, принимайте решения, и тогда любая Кларочка или Розочка скажет, что это был её день, и мужчина тоже её. И он – герой!

А то иной раз в метро 8 Марта, смотришь, сидят шесть балбесов подряд, в один ряд, с одинаковыми тюльпанами, и вид у них (не у тюльпанов) не очень...

У меня украли две родины, Москва

Москва. Не хотела я в Москву...

Но папа поступил в военную академию и... прости-прощай, мой дорогой Мукачев. Ехали в поезде. Мама плакала. Папа понимал, что жизнь меняется круто и навсегда.

Частная квартира в Орехово-Борисово⁴. Мы снимали комнату у хозяев. Железнодорожных работников. Весёлых и пьющих, которых вселили по очереди в новую квартиру, переселив из жутких бараков, в которых они жили в Сокольниках. Вот туда, в новую квартиру они привезли с собой деревенско-коммунальный уклад с клопами и тараканами. Тараканы – мелочь, в Баку чёрный таракан куда больше. А вот с клопами я познакомилась впервые. Наверное, дальше всё как у всех... Школа. Пионерия, комсомол – и да, я в это верила. Друзья, спорт. И самое захватывающее – художественная школа. Поистине педагоги-художники – великие люди. Я была вполне себе молодой здоровой особью, не отягощённой самоанализом, и вдруг! Андрей Рублёв, от Джотто до Тинторетто, передвижники, импрессионисты. А какие диспуты, какие речи крамольные и суждения независимые, какое доверие! История искусств – история мира, людей и красоты. Не будь моей дорогой «художки», и я сомневаюсь, что моя жизнь была бы так расцвечена событиями, встречами и пониманием, что большое многообразие прекрасного, удивительного, спорного должно иметь право на существование, а у человека должна быть свобода выбора.

⁴ Орехово-Борисово – район на окраине Москвы, ЮАО. На момент событий, описанных в рассказе, малодоступный ввиду не развитой транспортной структуры.

Рыба

Приехали мы в Москву, потому что отца-военного направили туда для обучения в академии. Жить предложили или в общежитии, тридцать хозяек с чадами и домочадцами, восемь плит на кухне, две раковины, одна ванна со штабелями тазов и тенётами верёвок под потолком и... туалет, а точнее, отхожее место... Спасибо, что отдельный. Здание коридорной системы и довоенной постройки. Да, конечно, потолки четыре метра. Но зачем? Можно подумать, что если в одной комнате живут четыре человека, то такой потолок поможет с размещением вещей и комфортом устройства детской кровати. Ну, разве что коробки у «господ офицеров» стояли под потолок, на шкафах. Да! Ещё вечные сожители любой коммуналки – крысы, тараканы, клопы, мокрицы... Не мог мой отец позволить своей жёнушке, похожей на юную Марину Влади, жить в такой обстановке. В Закарпатье, в славном городе Мукачево, семья жила в комфортабельной однушке. Ну и, конечно, Мукачево – это Европа, даже в те времена. А тут... Папа нашёл комнату в новостройке, на далёкой окраине Москвы. Борисовские пруды, деревня Борисово, сельские пейзажи, поля-луга. Новостройки, возникшие там, были заселены сплошь пролетариатом. Гегемоном из сокольниковских бараков, в которых проживали железнодорожники с чадами и домочадцами. Ранее при разных обстоятельствах судьба забросила их в Москву, но

крепкий деревенский, посконно-полотняный дух им изжить не удалось, несмотря на житие в граде столичном. На этот «дух» наслонилась мощная печать псевдопролетарской культуры. Во многом это были люди тяжёлых судеб. Пьющие, тяжело работающие, лупящие детей и жён... Однако чувствовались в них простота и искренность, а ещё умение жертвовать, если надо, и умение отдать последнее. Это теперь я понимаю, что именно такие люди становились бойцами ополчения и шли в окопы под Москвой, что именно эти женщины и дети работали по три смены на оборонных заводах. И это именно те семьи, которые принимали к себе сирот без разбора на происхождение и национальность в лихую военную пору... Вот у таких стариков мы и поселились в комнатухе девять метров с видом на живописнейшие Борисовские пруды. До нас там жили студенты и воевали с клопами, которых привезли хозяева из старых бараков железнодорожников в Сокольниках. То тут, то там на стенах были своеобразные «захоронения» прибитых клопов. С эпитафиями вроде: «Здесь 12.08.1974 безвременно почил Клопий Клопенский. Сын, муж и отец». Хозяева – люди великолепных типажей. Она – дама необыкновенной античной наружности, испытавшей на этой самой наружности все трудности эпохи, женской судьбы и алкоголизма. Представьте Маньку Облигацию, только располневшую, испытую, но с теми же манерами дамы полусвета. Юморила она в стиле Раневской. Хозяйка мыла вагоны в депо. Он – жилистый, испытанный жизнью и тяжёлым физическим трудом дядька с золотыми руками ваятеля и мозгами самородка Кулибина. Даже алкоголизм, которым он страдал меньше, чем жёнушка, не пригасил острый ум этого дядьки. Он был изобретателем в пределах своего ремонтного цеха. Государство реагировало грамотами и незначительными премиями. Люди жили небогато, но весело. Картоху жарили на духовитом подсолнечном масле, ели селёдку с луком, ходили на Первомайские демонстрации и красили на Пасху яйца. На кухне стоял буфет (антикварный, как я сейчас понимаю), монументальный, нерушимый и огромный. Там, в глубине, стояла чёрная от времени икона с тёмным и скорбным ликом Богоматери, которой матушка благословила хозяйку нашу на союз супружеский и переезд в далёкий град столичный за счастьем, ибо именно для этого человек и рождён...

Как-то раз в ноябрьский день, когда мы с внуком хозяйки лет четырёх играли в домино, хозяйка взволнованно сообщила деду, что ночью спустили воду в прудах, и сейчас самое время двигать туда, за карпом. Делать это надо быстро, иначе деревенские позабирают себе самую крупную рыбу. Мужик скоренько собрался и велел одеться нам. Взял из кладовки здоровенную корзину, нам в руки сунул корзины поменьше и, прихватив черенок от лопаты (и зачем бы это ему?), зашагал к дверям за женой, подгоняя нас, горемычных. Мы вышли в промозглый ноябрьский день. Набрякшее, отёкшее сивое небо, такое низкое, что тучи его казались растрёпанными, так как цеплялись за раскоряченные чёрные голые ветки перелеска по дороге к пруду. Тропки к водоёму пролегали по перепаханым и уже слегка припорошённым снегом полям. Ноги в резиновых сапогах вязли в этой пахотной стылой земле. Маленького внука хозяйки я пёрла за руку, периодически вздёргивая его кверху, чтоб не падал, или вытаскивала его увязшую в грязи ногу в сапоге. Мы шли со стороны микрорайона, и были не одни на этой рыбной тропе. Со стороны деревни через поле и мимо церкви к пруду тоже шли женщины из деревни. Их фигурки в стёганках, сапогах и платках не отличались от фигурок баб из микрорайона. Лица у женщин были суровые, а губы – плотно сжатые. Секло мокрым снегом и прохватывало до костей ветром, который в такие ноябрьские дни воеет в дымоходах. Пруд без воды являл собою сюрное зрелище. Громадный провал жидкой грязи с озерцами оставшейся воды. Провал чёрный и страшный. То тут, то там, ближе к берегу, на дне торчали остовы утонувших коров, какие-то железяки и механизмы, палки, корзины... Возле таких озерцов, прямо в этой холодной, болотной грязи уже возились какие-то тётки и запихивали рыбу в мешки. Вот туда, оставив нас на берегу, и ринулась наша хозяйка. Было видно, что тётки с трудом возятся в вязкой и холодной грязи в поисках рыбы, шаря в жиже красными, одубевшими от холода руками, соперничая в этих поисках с чайками, воронами и даже галками. Далеко от берега

идти нельзя, хотя именно там было больше всего рыбы. Нам, детям, стоящим на возвышенном берегу, было видно, как рыба прыгает в этих лужах. Скоро в прибрежных лужах рыбу выбрали, и бабы стали скандалить, потому что кому-то не хватило. Бабы бранились хриплыми голосами, матюгались. На берегу возле нас стали появляться деревенские мужички. Они поёживались, ручкались друг с другом и дымили папиросами. Один сказал, что сейчас начнётся потеха. Мы с хозяйским внуком переглянулись, так как, по нашему мнению, потехи было уже сколько угодно. И тут из искры возгорелось пламя. Бабы подрались. Подрались как-то сразу и все. К матюгам добавился ор и визг. Они были все перемазаны грязью, платки, шапки полетели в грязь, седые космы волос были растрёпаны и тоже залеплены грязью и илом. Было уже непонятно, где деревенские, где городские. В какой-то момент наш дед сунул мне большую корзину, взял черенок от лопаты в правую руку и стал быстро спускаться по бережку к грязному месиву спущенного пруда. Мы побежали за ним. Он ринулся к толпе дерущихся за рыбу баб и стал охаживать их этим дрючком по спинам. Лупил звучно, как по мешкам с мукой, но беззлобно. Дедуган быстро навёл порядок под хохот и улюлюканье деревенских мужиков, сожалеющих о таком быстром прекращении потехи. Мы телепались по грязи до бабушки моего друга. Дед помогал ей собирать рыбу и похваливал её бойцовские качества. Она – лохматая, вся в грязи и иле, с подбитым глазом и расцарапанным лицом – улыбалась и говорила, что он вовремя пришёл ей на помощь. Он тоже молодец. День заканчивался, а мы странной процессией тянулись по ноябрьскому полю домой. Корзинки были полны рыбой, некоторые рыбины были ещё живыми.

Домой мы попали, когда уже совсем стемнело. Мы с хозяйским внуком, отдав бабке мокрую и грязную одежду, принялись за игру в ожидании ужина, а дед с бабкой, приведя себя в порядок, занялись рыбой. Поздним вечером мы ели жареную на духовитом подсолнечном масле картоху и РЫБУ, добытую в борьбе. Во мраке за окном, в глухой и ненастной ноябрьской мгле, тепло светились окна деревенских изб, где тоже ели картоху и РЫБУ, ну и, конечно, и тут и там дерябнули водочки, а уложив детей, уселись смотреть телик. Ночью пришёл мороз, а мне снилась рыба в стёганке и платке. Выбирающая баб из грязи спущенного пруда в корзину.

Каникулы. Мороз

В каком-то тысяча девятьсот мохнатом году, 30 декабря, ударил вдруг мороз. Раньше, когда зимы были морозными и снежными, такое «вдруг» случалось нередко, и тут случилось, и как раз на каникулы. Меня отпустили к подружкам на Новый год. Вы представляете?! В нашем районище была станция метро «Каширская» и... и всё. Автобусных маршрутов было, как пальцев на одной руке, и в выходные, да ещё и в праздничные предновогодние, они ходили медленно и печально, через раз или через два. Марка автобуса – «ЛиАЗ». Он был чрезвычайно вместительным. Обладал ещё резервом для принудительного вмещения. Летом в салоне было душающее жарко, а зимой как в морозилке у холостяка, нет, не пусто, а очень снежно и лёдно. То есть столько льда намёрзло, что, наверное, и пельменям тесно будет.

Мама моя одевала меня просто. Да тогда и всё было просто. Соответственно ГОСТу, а также рекомендациям НИИ гигиены детей и подростков. Как видно теперь, тогда всё было правильно. Натуральное бельё и обувь. Массовая физкультура и спорт, а также пропаганда вечных ценностей, так как при ближайшем рассмотрении кодекс молодого строителя коммунизма абсолютно тождественен библейским заповедям Иешуа из Назарета, без изысков.

Мои папа и мама любили друг друга и иногда с понятной радостью отпускали меня к друзьям-подружкам, время было доброе, а дети были детьми.

В этот раз я шла в гости. Мама одела меня нарядно. Платьишко, колготы (эластичные), рейтузы (облегающие, модные коричневые), пальто клетчатое, приталенное, с пояском, воротничок отложной, с мехом. Шапка пёстренькая, вязанная английской резинкой, двойная с отворотиком и сапоги красные, польские, с фланелевой подложкой, на изящной подошве, с молнией. Варежки узорчатые двойные. Словом, оделась девочка на праздник.

И вот пробежалась я до остановки. Метров пятьсот. Присоединилась к толпе ожидающих автобус и стала ждать. Время шло, народ прибывал. Холодало, и при этом стремительно. В первый пришедший автобус влезть не удалось. Тело холодело, руки уже ничего не чувствовали, ноги одеревенели. Колени вообще при ощупывании напоминали морду лица после обезболивающего укола у стоматолога – бесчувственные и твёрдые (промёрзли, наверное). То есть я замёрзла уже до слёз, а автобус всё ещё не шёл. В толпе уже строились планы, как добраться до метро. Мороз крепчал. Тут до меня дошло, что дорога «к метро» – это мне по пути. Главное, вовремя сориентироваться и суметь выйти на нужной остановке из переполненного автобуса, в котором двери не открываются, им некуда, они прижаты телами. И люди пошли... Мороз крепчал. Через Каширское шоссе двигалась сплочённая, парящая дыханием толпа и ребятёнок среди ног толпы. В морозной дымке народ занял выжидательную позицию, теперь на другой остановке. Мороз крепчал, автобус, уже другого номера, также не приезжал. А редкие маршруты, уже забитые счастливыми, шли в сторону метро, даже не подъезжая к остановкам. А чего подъезжать, когда какая-нибудь мощная мужская глотка, хозяин которой, войдя последним и зажав двери богатырской спиной, волюнтаристски заявлял: «Едем до метро!» И всё. Однако вдруг стало понятно, что автобус маршрута 95 собирается подъехать к остановке. У кого-то из толпы появлялся шанс уехать. И, может, даже у меня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.